

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

*К 150-летию со дня рождения
академика А.А. Шахматова*

А.А. ШАХМАТОВ И Ф.И. БУСЛАЕВ

В.И. Макаров

Кафедра русского языка
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

В статье анализируется роль Ф.И. Буслаева в формировании А.А. Шахматова как ученого на начальном этапе его научной деятельности, взгляды ученых на содержание преподавания русского языка в средних учебных заведениях.

Ключевые слова: живая речь, история языка, народная культура, памятник письменности, русский язык как родной и как иностранный, содержание обучения.

В истории славянской филологии имя академика Алексея Александровича Шахматова (1864—1920) занимает особое место. И.В. Ягич в письме к академику А.Ф. Бычкову от 13 апреля 1894 г., в связи с возможностью привлечения доктора филологии А.А. Шахматова в Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук, так характеризовал этого великого ученого: «...я хотел бы, по крайней мере, видеть в среде вашей человека, который мог бы продолжать (и успешнее, великолепнее, чем я сам), начатое мною. Таким я считаю только Шахматова... На всю Россию Вы не найдете по славяно-русской филологии ни более даровитого, ни более энергичного, ни более трудолюбивого...» [3]. «В истории русской филологии, — писал академик В.В. Виноградов, — нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова» [2. С. 5].

С детских А. Шахматов, заинтересовавшись нашей древней историей, естественным образом перенес свои интересы на историю родного языка, а затем на все славянские языки в их истории, реконструируя эту историю посредством тщательного изучения многочисленных памятников письменности, как это стало принято в сравнительно-историческом языкознании XIX века. А.А. Шахматов очень рано воспринял ряд положений А.А. Потебни, этого «основоположника научной диалектологии в России» [13]: положение о том, что история языка есть, по сути,

история его диалектов и что из двух посылок — свидетельств памятников письменности и нынешнего языка — останавливаясь лишь на одной, «мы остаемся в накладе» [7. С. 305—306]. И сделал для себя правильный вывод о том, что без тщательного изучения живой речи, прежде всего диалектной, невозможно добиться значимого успеха в реконструкции и осмыслении языковых явлений, а стало быть, фактов истории культуры народа. Так, А.А. Шахматов, занявшись непосредственными наблюдениями над различными восточнославянскими говорами, стал не только ведущим диалектологом, но и организатором всей диалектологической работы в России, да и не только в России. После изучения работы А.А. Шахматова «Русское и словенское аканье» словенец Станислав Шкрабец писал автору: «Пока я смог просмотреть только первую часть Вашего труда и удивился Вашей точной осведомленности во всем, что создано до сих пор по нашей диалектологии. Мне трудно было даже сказать, что Вам неизвестно» [3. С. 222].

Исаак Ньтон говорил: «Я только потому стою высоко, что стал на плечи гигантов». В жизни каждого ученого есть имя или имена, определившие его научные интересы, стимулировавшие его научное творчество. Для Ф.И. Буслаева такими стали имена его гимназического учителя В.Г. Белинского, историка М.П. Погодина, выдающегося немецкого ученого Я. Гримма, оказавшего на Буслаева, по словам самого российского классика, огромную «обаятельную силу» и вызвавшего в нем «воодушевление». Для А.А. Шахматова такими «гигантами» явились прежде всего А.Х. Востоков, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня и, несомненно, Ф.И. Буслаев.

Энергичность молодого А. Шахматова и его несомненный природный талант способствовали созданию вокруг него с первых лет его жизни атмосферы творчества, которая уже в гимназические годы связала его с выдающимся хорватом академиком Ватрославом (Игнатием Викентьевичем) Ягичем, известными московскими филологами Н.И. Стороженко, В.Ф. Миллером, Ф.Ф. Фортунатовым, Ф.Е. Коршем [6. С. 236—263]. Но когда в общении гимназиста с ними заходила речь о необходимости изучать народную речь, ссылались обычно на авторитет Буслаева; когда говорили о смысле историко-лингвистических штудий, не обходились без имен Буслаева и Срезневского, утверждавших, что главная цель таких изучений — уяснение нравственных воззрений народа; когда определяли возможности сравнительно-исторического метода, не могли не упомянуть не только А.Х. Востокова, но и наработок в этом деле Буслаева, так смело и удачно перенесшего этот метод на изучение европейских литератур и искусств с целью реконструкции материального и духовного быта народов в дописьменную эпоху их жизни (впоследствии А.А. Шахматов мастерски применит сравнительно-исторический метод к реконструкции литературного жанра русского летописания).

Уже в догимназические годы А. Шахматов брался за написание собственных исторических «посланий по истории». Так, в 10 лет он написал объемную «Историю России» XIII—XV вв. [5. С. 75]. Затем перешел к небольшим лингвистическим статьям, используя материалы изученных им научных работ и делая собственные научные предположения и заключения, пробовал искать структурные

и семантические связи древних и современных слов, что уже в эти годы стало одним из его наиболее сильных увлечений.

В 1876 г., в свой день рождения, 5 июня, он, сокрушаясь, написал в письме из Москвы своим тете и дяде (заменившим ему и двум сестрам рано умерших родителей) в их родовое имение на Саратовщине: «Мне часто приходит в голову мысль, как коротка человеческая мысль. Может статься, что я прожил уже половину своей жизни: и что же — я ничего не сделал... Ничто в моей жизни не достойно похвалы» [5. С. 134]. В этом высказывании — весь Шахматов на всю его жизнь с его поразительной скромностью и заниженностью самооценок.

В феврале 1879 г. пятнадцатилетний А. Шахматов окончательно определился со своим профессиональным интересом, что видно из его очередного письма родственникам: «Язык может сделать меня поэтом и отчасти сделал, это язык перенес меня в отвлеченный мир, язык познакомил меня с мыслями человека; филологии вовсе не свойственна сухость, филология — это наша жизнь...» [5. С. 188]. В это время он искал себе учителя. Познакомившись с двухтомным трудом Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», вышедшим в первом издании в 1844 г. [1], юный читатель особенно заинтересовался увлекательными лексико-семантическими сближения слов эпох праславянского и отдельных славянских языков. Последовавший вскоре за ним другой труд автора, его магистерская диссертация «О влиянии христианства на славянский язык» (1848), раскрывшая заметное воздействие на словарь «Остромирова евангелия» языческой мифологии и христианских поверий, еще более усилил тягу А. Шахматова к поискам в древней нашей письменности свидетельств культурного развития славянства. В письме конца августа 1881 г. к И.В. Ягичу Шахматов писал о своих занятиях: «Спешу уведомить Вас, что теперь опять в Москве, возвратившись с летних каникул. Переход мой в VII класс благополучно завершился, так что летом я мог предаться вполне своим занятиям: я изучал отдел древнеславянского, малорусского и русского языков, покамест по Сравнительной грамматике Франца Миклошича, привел в порядок собранный мною за зиму материал из разных рукописей...» [12].

После изучения книг Ф.И. Буслаева у А. Шахматова возникло непреодолимое желание встретиться с их автором. В письме родным от 2 февраля 1879 г. он объяснил свое желание тем, что Буслаев первый из русских составил историческую грамматику. Много позже Шахматов обоснует более подробно свою раннюю привязанность к Буслаеву, поразившему молодого человека «силой ума и воображения, точным анализом и блестящей гипотезой, мечтой и глубоким знанием, наукой и поэзией, а главное — „живым, полным любви и творческой силы отношением этого человека к истине“» [8].

Посредничество в организации встречи взял на себя А.Е. Викторов, член-корреспондент РАН, ученый хранитель Отдела рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека). Встреча состоялась на квартире Буслаева у Спаса-на-Песках в конце 1881 г. Викторов аттестовал юношу не только как серьезно интересующегося филологией молодого человека, но даже опубликовавшего уже в берлинском журнале И.В. Ягича *Archiv für slavische Philologie* исследование

«Жития Феодосия» по публикации профессора А. Попова. Тщательно изучив текст опубликованного Поповым памятника, гимназист обнаружил в печатном варианте множество типографских опечаток, что, естественно, делало такую публикацию фактически непригодной для серьезной науки. Такое сообщение, естественно, не могло не удивить Ф.И. Буслаева. Он подумал даже, не сверить ли ему самому опечатки публикации со статьей А. Шахматова, но потом передумал, увидев в молодом человеке честность и талант, и такое трудолюбие, и эту поразительную настойчивость.

Ф.И. Буслаев, восхищенный работоспособностью Алексея, показал ему только что вышедшую свою книгу «Образцы письма и украшений из Псалтыря», затем снял с полки тонкий альбом, оказавшийся нотной тетрадь. На нотном стане Алексей прочитал: «Федору Ивановичу Буслаеву в знак уважения от Глинки, с удовольствием читавшего его статью „Женские типы в изваяниях греческих богинь“». Под нотным станом гость увидел и слова из оперы «Жизнь за царя»: «Славься, славься, святая Русь».

Говорили о многом и в их общей науке, и в гимназическом образовании: Шахматов учился в московских гимназиях, Буслаев много преподавал в них:

Сейчас собираюсь заняться еще одной большой работой, попытаюсь изучить русский лицевой апокалипсис по рукописям с XVI по XIX столетия, — еще более оживился хозяин. — Не знаю вот только, успею ли... Работы предстоит много, а глаза устали... Мы с Алексеем Викторовичем, как говорится, свое отписали, теперь дело за вами, молодыми...

Федор Иванович дал ценный совет гимназисту заняться еще и летописанием, историей летописных текстов различных местностей, сопоставить их, чтобы восстановить древнейший из них. Такая идея не могла сразу же не увлечь подающего большие надежды подростка. Так среди научных интересов молодого ученого появился еще один, занявший впоследствии в его творчестве и в русской славистике очень важное место. Впоследствии ряд работ Шахматова по этой проблематике, заметно развивая теорию и практику его предшественников (Карамзина, Погодина, Соловьева, Срезневского, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Иловайского, Грушевского), увидел свет, внося бесценную лепту в изучение нашей истории, языка и культуры [10; 11; 4].

Гимназист был поражен и встречей, и самим ученым, таким мягким, неожиданно простым человеком, восхитился широким диапазоном его интересов. Буслаев, оказывается, не только много работал учителем в гимназиях и в знатных семьях, целых два года читал курс русской словесности самому наследному великому князю Николаю Александровичу, сыну императора Александра III. Восторгам Шахматова не было конца. Письма с подробным рассказом о долгожданной встрече с великим славистом сразу же полетели в Берлин к старшему другу Шахматова академику И.В. Ягичу и, как всегда, домой. «Вот истинный диапазон ученого, вот к чему нужно стремиться!» [4. С. 90—93].

Можно ли не удивляться чувствам, которые испытывал И.В. Ягич к этому талантливому юноше, замороженному наукой. «У меня столько официальных за-

нятий, что я не успел еще порядочно *изучить* (курсив наш. — В.М.) Ваше последнее письмо, — писал академик гимназисту Шахматову. — Вы видите, что я говорю об *изучении* Ваших писем; они столь многосодержательны, что я очень дорожу ими и вношу их отдельно в ту книжку, где прячутся мои коллекции» [12]. Чуть позже академик писал: «Я *утешаюсь* (курсив наш. — В.М.) тем, что мы ведь скоро увидимся. Вы должны в бытность Вашу в Питере чаще бывать у меня...» [12]. Ватрослав Облак в письмах раскрывает свое и других ученых отношение и к Шахматову, и к Буслаеву. В письме к В.Н. Щепкину от 15 августа 1890 г., ссылаясь на сообщение И.В. Ягича, предположил, что Шахматов во время своей научной поездки приедет в Вену. «Не могу сказать, — писал ученый, — как я этому чисто по-детски радовался. Я все время спрашивал: „Когда же приедет Шахматов?“ но напрасно... Будет ли Шахматов в следующем семестре читать лекции?..» [3. С. 140]. В декабре 1890 г., сообщая о ценности для него встреч с московскими профессорами (Фортуновым, Тихонравовым, Брандтом) и признавая, что многому он мог бы научиться «у старика Буслаева», Облак очень сожалел, что слышал, будто «Буслаев теперь заброшен, что никому до него дела нет и что живет он в одиночестве...» [3. С.143].

А.А. Шахматов не раз давал высокую оценку буслаевской практике изучения истории языка по письменным памятникам в единстве с познанием живой народной речи. В отзыве о его труде о преподавании отечественного языка в 1896 г. А.А. Шахматов подчеркивал, что в обоих томах работы мы находим *человека*, его жизнь, глубокий и многогранный интеллектуальный и духовный мир, его гениальное языковое творчество [8. С. 9]. Невольно думается: не от Буслаева ли надо отсчитывать укоренившийся в нашей науке «современный» антропоцентрический взгляд на язык?..

Ф.И. Буслаев много работал с молодежью. Немало работал с нею и А.А. Шахматов [4]. Поэтому размышления обоих академиков о судьбе преподавания русского языка в нашей школе во многом созвучны. Они были убеждены, что преподавать в старших классах средних учебных заведений родной язык без связи с его историей — значит терять возможность *сознательного* подхода учащихся и к языковой материи, и к истории духовно-нравственной жизни народа. Ф.И. Буслаев в книге «О преподавании отечественного языка» писал об «областных наречиях» как реализации системы твердых лингвистических законов, где даже сами ошибки подчиняются тем же основным законам». «На способность говорить обращаем мы в учение строгое внимание, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, определенно, с толком и смыслом», — говорил академик [1. С. 55]. Ф.И. Буслаев подчеркивал, что восстановление живого содержания в языке и прямое отношение филологии к наукам *нравственным* и преимущественно к истории заслуживает полного внимания [1. С. 62].

В речах о Ф.И. Буслаеве А.А. Шахматов указал на важные достижения великого ученого, который соединил «способы» сравнительной и исторической грамматики, применив их к исследованию родного языка и заложив «основы для русской грамматики и стилистики, основания исторического, а следовательно, научного изучения русского языка... Из всего написанного о русском языке, — писал

А.А. Шахматов, — я не читал ничего более интересного, более живого и талантливого этого ядра „Исторической грамматики“ Буслаева» [8. С. 9].

Позже и А.А. Шахматов, ратуя за историческое преподавание русского языка в школе, подчеркивал, что знакомство учащихся с историей родного языка объяснило бы многие его современные факты и процессы, установило бы в сознании детей *причинность* явлений. «Пренебрегать таким анализом, не попытаться показать на нем элементарных приемов исследования — это упустить возможность подготовки учащихся к предстоящей им в жизни более сложной работе над более сложными научными жизненными явлениями» [9. С. 17]. И далее следовала важнейшая мысль о том, что такое изучение родного языка «приблизит учащихся к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, также веру в него, в его будущее» [9. С. 19].

Ф.И. Буслаев высказал еще одну в практическом плане очень важную мысль: «постоянно надобно отличать преподавание отечественного языка от иностранного, следовательно, никогда не говорить детям того, что они знают уже сами» [9. С. 69].

К сожалению, наши современные учебники русского языка как родного не учитывают этого положения. Автор этих строк на собственном опыте преподавания русского языка как иностранного убедился в правоте буслаевской рекомендации, в необходимости серьезного различения этих программ. Таким образом, в творчестве Буслаева и Шахматова была поставлена на разрешение важнейшая проблема теории и практики учебника родного языка, и она не перестает быть актуальной и нынче и требует своего глубоко продуманного решения в свете современных запросов нашей истории, культуры, общественно-экономических процессов, филологического образования в стране.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. — М.: Просвещение, 1992. [*Buslaev F.I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka. — M.: Prosveshhenie, 1992.*]
- [2] *Виноградов В.В.* Алексей Александрович Шахматов. — Петербург: Колос, 1922. [*Vinogradov V.V. Aleksey Aleksandrovich Shaxmatov. — Peterburg: Kolos, 1922.*]
- [3] Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). — М.—Л., 1948. [*Dokumenty k istorii slavyanovedeniya v Rossii (1850—1912). — M.—L., 1948.*]
- [4] *Макаров В.И.* «Такого не бысть на Руси прежде...» Повесть об академике А.А. Шахматове. — СПб.: Алетейя, 2000. [*Makarov V.I. «Takogo ne byst na Rusi prezhe...» Povest ob akademike A.A. Shaxmatove. — SPb.: Aletejya, 2000.*]
- [5] *Масальская Е.А.* Повесть о брате моем А.А. Шахматове. Ч. 1. — М., 1929. [*Masalskaya E.A. Povest o brate moem A.A. Shaxmatove. Ch. 1. — M., 1929.*]
- [6] *Масальская Е.А.* Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. — М.: Изд-во. им. Сабашниковых, 2012. [*Masalskaya E.A. Vospominaniya o moem brate A.A. Shaxmatove. — M.: Izd-vo im. Sabashnikovyx, 2012.*]
- [7] *Потебня А.А.* Заметки по исторической грамматике русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXLIV, отд. 2. — 1873—1874. [*Potebnya A.A. Zametki po istoricheskoy grammatike russkogo yazyka // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. Ch. CXLIV, ottd. 2. — 1873—1874.*]

- [8] *Шахматов А.А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21 января 1896 г. — СПб., 1898. [*Shaxmatov A.A.* Buslaev kak osnovatel istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka // Chetyre rechi o Buslaeve, chitannye v zasedanii Otdela Komenskogo 21 yanvarya 1896 g. — SPb., 1898.]
- [9] *Шахматов А.А.* К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях. Доклад на I съезде преподавателей русского языка военно-учебных заведений // Русский филологический вестник. Т. 53. — Варшава, 1905. [*Shaxmatov A.A.* K voprosu ob istoricheskom prepodavanii russkogo yazyka v srednix uchebnykh zavedeniyakh. Doklad na I sezde prepodavatelej russkogo yazyka voenno-uchebnykh zavedenij // Russkij filologicheskij vestnik. — Т. 53. — Varshava, 1905.]
- [10] *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. — М.—Л.: Изд. АН, 1938. [*Shaxmatov A.A.* Obozrenie russkix letopisnykh svodov XIV—XVI vv. — М.—L.: Izd. AN, 1938.]
- [11] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — М.: Академический проект, 2001. [*Shaxmatov A.A.* Razyskaniya o drevnejshix russkix letopisnykh svodax. — М.: Akademicheskij proekt, 2001.]
- [12] *Шахматов А.А.* Сборник статей и материалов. Переписка А.А. Шахматова с академиком И.В. Ягичем (1881—1894). — М.—Л., 1947. [*Shaxmatov A.A.* Sbornik statej i materialov. Perepiska A.A. Shaxmatova s akademikom I.V. Yagichem (1881—1894). — М.—L., 1947.]
- [13] *Ягич И.В.* Archiv für slavische Philologie. — Band 14, Heft 3. [*Yagich I.V.* Archiv für slavische Philologie. — Vand 14, Heft 3.]

A.A. SHAKHMATOV AND F.I. BUSLAEV

V.I. Makarov

The Chair of the Russian Language
I.G. Petrovski Bryansk State University
Bezhitskaya str., 14, Bryansk, Russia, 241036

This article studies the role of F.I. Buslaev in developing A.A. Shakhmatov's ideas as a scholar at the beginning of his creative work as well as the scholastic view on the nature of teaching the Russian language in colleges.

Key words: Live speech, the history of language, folk culture, artistic text, Russian as a mother tongue and a foreign language, syllabus.